

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА

СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ЛЕТОМ В ПАРИЖЕ ТЕПЛЕЕ

**ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ**

Седьмая линия

Анастасия Валеева
Летом в Париже теплее

«Научная книга»

Валеева А.

Летом в Париже теплее / А. Валеева — «Научная книга»,
— (Седьмая линия)

Жизнь ясновидца Яны Милославской не проста – приходится помогать людям и в буквальном смысле пропускать через себя их проблемы. Тем более, если этот дар получен в результате катастрофы, в которой погибли близкие Яны... А уж когда проблемы клиентов касаются криминала, то начинается настоящий мистический триллер...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Валеева

Летом в Париже теплее

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это видение-воспоминание посещало Яну Борисовну Милославскую по несколько раз в год. Страшные события той ночи, когда они с мужем и сыном возвращались домой, каждый раз вставали перед ее внутренним взором, то проносясь за одно мгновение, которое она даже не успевала осознать, то прокручиваясь плавно, словно в кадрах замедленной съемки. Тогда Яна Борисовна могла рассмотреть все в деталях.

Катастрофа произошла несколько лет назад. К вечеру, когда они выезжали с дачи, перекопав под зиму свой небольшой участок и сложив в сарай садовый инвентарь, на небе стали курчавиться светлые, не предвещавшие ничего плохого облака, но вскоре они начали собираться в большие кучи, темнеть и набухать, словно сосцы шенной суки. Выехав на дорогу, все поняли, что дождь застанет их в пути, но сильно по этому поводу не переживали: все-таки на машине.

Загородная трасса была пустынна, она отражала лишь дальний свет фар, который метался по мокрому асфальту, повторяя движения старенькой «шестерки», подпрыгивающей на неровностях дороги. Александр Васильевич, Шурик, – муж Яны Борисовны – уверенно ведет машину сквозь пелену дождя, соблюдая разумную скорость. Он радуется, что успели управиться с садом до дождей, перебрасывается шуточками с Андреем, сидящим на переднем сиденье рядом с ним, и пытается разговорить Яну Борисовну, которая отвечает односложно и невпопад, ерзая на заднем сиденье.

– Да что с тобой, Яна, – он поворачивает голову, пытаясь посмотреть ей в глаза, – устала, что ли?

Яна только молча пожимает плечами. Если бы она знала! А ведь она знала, чувствовала – что-то не так! Она сама тогда не понимала, что с ней происходит. Это уже потом, пережив клиническую смерть и открыв в себе способности, о которых раньше и не подозревала, она стала по-другому смотреть на вещи, на людей и на события. Все в жизни взаимосвязано. Ничто не происходит просто так...

Дорога идет на подъем. Салон «шестерки» осветился фарами догнавшей их машины. Саша снизил скорость и принял немного к правой обочине, давая возможность обогнать. Обычная, в общем-то, ситуация на дороге, но у Яны почему-то учащенно бьется сердце, бухая в груди словно паровой молот. Невыносимо захотелось что-нибудь сделать, закричать, остановить машину, но она молчит, боится напугать Сашу, боится, что ее слова заставят мужа ошибиться. «Он хороший водитель, – пытается она себя успокоить, – все будет хорошо.» «Не будет», – слышит она чей-то голос и хватается за спинки передних сидений.

Легковушка пошла наконец-то на обгон, выехав в левый ряд. Яна смотрит на нее через боковое стекло и ей кажется, что сквозь темень и плотные струи дождя, она видит профиль водителя. Она знает, что этого не может быть, что на фоне сырого черного поля человеческий глаз не может ничего воспринять, но этот профиль словно стоит у нее перед глазами. «Мистика какая-то, – шепчет она и проводит рукой перед глазами, – ну что же ты, обгоняй!»

Уже потом, в больнице, ей рассказали, что водитель старого «Москвича» не смог почему-то переключить скорость на подъеме, и мощности двигателя не хватило, чтобы закончить маневр. Так они и приблизились к вершине холма, идя параллельными курсами. Яна слышит, как чертыхнулся Саша, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Если сейчас из-за перевала появится встречный автомобиль, аварии не избежать.

Так все и произошло. «КамАЗ» вылетел навстречу на огромной скорости. Он шел по своей полосе и водитель, естественно, не ожидал, что дорога будет занята. Что происходило у него в голове, когда он увидел свет фар встречного автомобиля, трудно сказать. Если бы он свернул направо – в кювет – может быть, и остался бы в живых, хотя падение с высоты нескольких метров да еще на большой скорости почти не оставляло ему никаких шансов на это. Он выбрал другой вариант. Скорее всего, подумав, что водитель «Москвича» заснул за рулем, он крутанул руль влево, на встречную полосу, и надавил на тормоза. На скользкой дороге «КамАЗ» занесло и тяжелая машина продолжала двигаться по асфальту боком.

– Тормози! – теперь уже не сдерживая себя, закричала Яна, но Саша и так вдавил педаль тормоза до отказа в полик.

«Шестерка» почти остановилась до столкновения с «КамАЗом», но самосвал, уже неуправляемый, продолжал по инерции двигаться вперед. До сих пор этот металлический удар, жестяной скрежет, визг резины об асфальт стоят у Яны в ушах. «КамАЗ», столкнувшись с «шестеркой», опрокинулся прямо на нее. Его стальной кузов раздавил переднюю часть легковушки, словно песочный кулич. Яна Борисовна помнит белую, ослепительно яркую вспышку, после чего ей стало невыразимо хорошо, куда-то исчезли все страхи и тревоги, и всю ее окутало какое-то радостное чувство, сравнимое с экстазом. Она стала подниматься все выше и выше, скользя по светящемуся тоннелю, стенки которого представляли собой скрученный спиралью светящийся серебром воздух. А может быть, это был эфир или еще что-то невесомое.

Яна парила в этом тоннеле, не касаясь стен, которые вибрировали и переливались всеми оттенками серебра и перламутра, удаляясь от места катастрофы. Три бестелесные сущности скользнули по тоннелю мимо Яны. Каким-то образом она поняла, что это Саша, Андрей и водитель «КамАЗа», который погиб одновременно с мужем и сыном Яны, при падении ударившись головой о стойку кабины. Почему-то она знала это, как и то, что водитель «Москвича», который тоже не избежал столкновения с самосвалом и свалился в глубокий кювет, несколько раз перевернувшись на косогоре, все еще жив, но вскоре должен умереть.

Обогнав ее, три сущности исчезли вдали, превратившись в маленькие золотые точки. Ей захотелось рвануть вслед за своими родными, догнать их и плыть в радости и легкости рядом с ними, но какая-то сила заставила вдруг ее остановиться. Вся жизнь пронеслась перед ней за несколько коротких мгновений, но в эти мгновения уместилось столько подробностей! Она поняла, что должна остаться. Яна замедлила свой полет, плавно развернулась и двинулась обратно. Все остальные события той ночи она наблюдала как бы со стороны. Невесомая, она легко парила над местом аварии, без труда проникая мысленным взором сквозь непреодолимые для физического тела и взгляда препятствия. Если бы она захотела, то смогла бы пронзить землю и очутиться с противоположной стороны земного шара, могла бы двигаться и дальше, сквозь солнечную систему, сквозь галактики и черные дыры, но она осталась над трассой, где находились тела любимых ею людей и ее собственное. Ей было любопытно, что произойдет дальше, и она почему-то знала, что пока должна оставаться именно в этой точке пространства.

Ливень продолжался всю ночь до самого утра, но Яна не испытывала никакого дискомфорта. Холодные струи проходили сквозь нее, и от этого ей не становилось ни хуже ни лучше. Примерно через час на перегороженной «КамАЗом» и «шестеркой» трассе с обеих сторон выстроились большие «хвосты» разнокалиберных авто. Еще некоторое время спустя, сверкая проблесковыми маячками и прорезая сырой ночной воздух сиренами, прибыли машины ГИБДД и «скорой помощи». Мужичка из «Москвича» быстренько уложили на носилки и впихнули в «скорую», в нем еще теплились остатки жизненных сил.

Теперь все столпились на трассе возле опрокинутого на «шестерку» КамАЗа». Тело водителя самосвала удалось достать довольно быстро, а вот из легковушки то, что осталось от людей, прибывшая служба спасения выковыривала долго, используя различные хитроумные механизмы. Только к утру из расчлененной с помощью домкратов и пневматических ножниц

«шестерки» удалось извлечь тело Яны Борисовны. Ее грудь, зажата между передним и задним сиденьями, замерла, не в состоянии впустить хоть немного воздуха.

Странно, она смотрела на себя со стороны, не ощущая ничего, кроме любопытства. Только в клинике, когда ее положили на операционный стол, и врачи начали колдовать над ней, она поняла, что должна вернуться. Вернуться, чтобы продолжать земную жизнь, полную страданий и радостей, разочарований и удач, побед и поражений. Какая-то неведомая сила заставила ее снова слиться со своим телом. Яна не сопротивилась этой силе, она знала, что свободна в своем выборе, что стоит только захотеть, и она может остаться здесь, где легко и радостно, где нет ни скорби, ни печали, но знала она и другое. Теперь, когда у нее появилась вера в свои силы, она должна остаться. Остаться, чтобы до конца прожить свою земную жизнь. Упругие потоки подхватили ее, перевернули на спину, и она, будто рука – в перчатку, нырнула в свое тело.

Световой тоннель, в котором секунду назад находилась ее сущность, потерял свою искристость, стал понемногу тускнеть и вскоре совершенно растворился, рассеялся, словно далекий песчаный смерч. Вместо него сквозь опущенные веки Яна почувствовала свет лампы, висевшей над операционным столом, услышала характерный щелчок, какой бывает, когда в рукоятку пистолета вставляют обойму, и резкую боль, заглушаемую введенными ей наркотиками. После этого все исчезло. Много месяцев спустя, переосмысливая все произошедшее с ней в ту ночь, Яна Борисовна поняла, что находилась какое-то время между жизнью и смертью, и ее душа уже готова была покинуть этот грешный мир, но почему-то задержалась...

* * *

Обычно этот сон навещал Яну Борисовну Милославскую в дни полнолуния. Так случилось и на этот раз. Она лежала на спине на кровати в своем небольшом деревянном домике. Этот дом она купила вскоре после того, как ее выписали из больницы.

Яна поняла, что не может больше жить в оставшейся кирпично-бетонной квартире, поэтому, сразу же занялась поиском нового жилья. На те деньги, которые стоила их трехкомнатная квартира в центре города, в то время можно было купить неплохой особняк, но Яна долго не могла подобрать себе подходящее жилье. Представители риэлтерских фирм, которые занимались поисками подходящего варианта, уже начали отворачиваться от нее, когда Яна вновь и вновь появлялась у них в офисах. Милославская в сотый раз пыталась объяснить им, чего же она в конце концов хочет, но клерки не понимали ее.

Тогда она стала просто ездить по городу и рассматривать расклеенные на столбах и стенах домов объявления. Тактика у нее была простая. Она садилась на трамвай или автобус неподалеку от своего дома и ехала на нем до конечной остановки. Там она выходила и принималась внимательно изучать объявления, продвигаясь пешком к центру. Вскоре ей повезло. В тот день она поехала на трамвае номер десять, который ходил в Октябрьский поселок, и минут через двадцать вышла на конечной остановке.

Осмотрев полуразрушенную остановку у подножья покрытого лесом холма и не обнаружив ничего интересного, Милославская двинулась в обратном направлении. Она миновала дом престарелых, старую школу, новое здание поликлиники, несколько магазинов и вскоре оказалась на предпоследней остановке, которая почему-то называлась «Девятая линия».

«Странное название», – подумала Яна и принялась рассматривать объявления на деревянной стенке остановочного павильона. На одном листочке с «поплывшими» от дождя чернилами Яна прочла, что продается дом. Что-то екнуло у нее в груди и, едва разобрав корявый старческий почерк, она отправилась по указанному адресу.

Дом нашелся на удивление легко, даже не пришлось никого спрашивать. Оказывается, линиями в этом районе назывались улицы, тянущиеся вверх от трамвайных путей. Пройдя два небольших квартала до Седьмой линии, она повернула направо. Здесь асфальта уже не было. Довольно пологая вначале, дальше дорога стала забирать все круче и минут через семь вывела Яну Борисовну почти на самую вершину холма. Несмотря на крутой подъем, Яна почти

не ощущала усталости. Она пересекла асфальтовую дорогу, по которой прошел полупустой автобус и остановилась возле заросшего бурьяном участка, посреди которого стоял дом. Рядом с домом рос огромный дуб, зеленевший свежей весенней листвой.

Она постучала в калитку, уже зная, что это именно то, что она так долго искала. Немного подождав, Милославская отворила калитку и зашла на участок. Влекомая старой ржавой пружиной калитка со скрипом захлопнулась за ней.

В этот день все как-будто повернулось к ней лицом. Не было никакого волнения или тревоги, только мысль, что все у нее получится, вселяла в Яну Борисовну уверенность в своих силах.

Владельцами дома оказались две престарелых сестры, одна из которых вскоре вышла во двор. Словоохотливая старушка объяснила Яне Борисовне, что дом им достался в наследство, и они быстро сошлись в цене. Уже через две недели, оформив все документы, Милославская переселилась в Октябрьский поселок, среди местных жителей называемый Агафоновкой. «Агафоновка, так Агафоновка, – решила Яна Борисовна, не слишком вдаваясь в этимологию этого названия, – наверное, какой-то Агафон был в этом месте первым поселенцем».

* * *

Вячеславу нравилась его рубашка, недорогая по западным меркам, но сшитая на славу. В мелкий горошек, с красивыми манжетами и аккуратными строчками. Вячеслав только что приехал из Франции, где находился в командировке, и теперь живописал Веронике прелести заграничной жизни.

– Недорого, но с умом, – в пятый раз повторил он, потягивая арманьяк «Sempe». – И этот тоже, – ткнул он пальцем в бутылку с толстым дном, – совсем недурен.

Он пил медленно, причмокивая и щурясь точно кот, объевшийся сметаны. Вероника сидела на кожаном диване, облаченная в привезенное Вячеславом платье. Его серебристая ткань выгодно подчеркивала округлые формы ее немного широковатых бедер, но в то же время позволяла видеть, что животик совсем не плоский.

– Нет, все-таки умеют эти негодники-французы вещи делать, – в свой черед восхитилась она, проводя ладонью по коленям. – Ничего не имею против, чтобы сгонять в Париж и приодеться.

– Для тебя нет ничего невозможного, – потянулся всем телом Вячеслав, – только намекни Жорке, – небрежным тоном закончил он.

– Намекни! – передразнила его Вероника. – Так он ведь со мной попрется! А мне свобода и независимость нужна.

Она недовольно поджала губы, и оттого вся ее кукольная, немного одутловатая физиономия постарела. Вячеслав краем глаза уловил эту гримасу, совершенно не красившую Веронику, и в который раз спросил себя, почему он до сих пор встречается с этой женщиной. Ответ пришел сам собой и спровоцировал на его не по-мужски сочных губах ледяную усмешку. Потом он вспомнил их вчерашний полдень, то, с какой кошачьей томностью ластилась к нему Вероника, то, как ловко она удовлетворила его, и неприятная для него самого улыбка, вспоровшая его отражение в большом овальном зеркале, испарилась. Его глаза затуманились не то от воспоминания, не то от выпитого, и он широко зевнул.

– Ну, – недоверчиво усмехнулся он, – про независимость ты загнула...

Вячеслав выжидательно посмотрел на Веронику.

– Отчего же? – напряглась она. – Ты не думай, что без Жоры я бы жить не смогла. Я с головой дружу...

– Но языков иностранных не знаешь, – шутливо поддел свою любовницу Вячеслав, – а там без этого... – он поднял вверх указательный палец и закатил глаза.

– Выучу! – с апломбом крикнула Вероника.

– Поздновато, матушка, – хихикнул Вячеслав, – ушел поезд-то... Да ты не кипятись, это я так... Наши славянские бабы любой ихней сто очков вперед дадут. Я имею в виду Франкфурт этот гребаный с его аэропортом. Ну не иначе, как несколько кишок: сектор А-двадцать, сектор Б-сорок семь – хрен поймешь, как до этих секторов добраться. Лестницы, тоннели, лифты, переходы какие-то, залы длиною с семеновский мост... Хорошо, что на русских напал, под-сказали, где лифт, а то бы так и бегал по второму этажу, а мой самолетик с первого стартанул бы! – Вячеслав засмеялся.

Его простуженный голос, наполненный рыкающим придыханием и сминаемый сухим рочочущим кашлем, наполнил комнату осколками битого стекла.

– Какого черта ты прямым рейсом не вылетел? – задалась справедливым вопросом Вероника.

– Вылетел бы, ежели бы билеты были, – издевательским тоном сказал Вячеслав. – Скажи спасибо Жоре, что он откладывает все на последний момент – ни с того-ни с сего лети во Францию, налаживай контакты с «ситроенщиками».

– Ну не надо, – брезгливо поморщилась Вероника. – За счет фирмы в Париж сгонял! Все-то ты недоволен...

Вероника старалась не смотреть на плакат с ухмыляющейся Бритни Спирс. Ее раздражала не только мерзкая улыбочка сытой американки, но еще и надпись в углу плаката: «Идол девушек».

Нет, ее, Веронику, нельзя было назвать завистливой или скаредной. Просто она не хотела ни с кем делить своего Славика, будь то какая-нибудь бесстыжая секретарша или певичка с обложки журнала. В этой страстной и немного странной ее привязанности к Славику, как ей казалось, таилась та самая цельность славянской женской души, та испепеляющая и обольстительная наивность, о которой с таким подъемом вещал ее любовник. На миг глаза Вероники затуманили слезы восторга и жалости к самой себе. Да, иногда она могла поставить ему в упрек слишком уж дешевый браслет или банальное кольцо, подаренные ей к Рождеству или к Пасхе, но сама не мелочилась, если дело шло о его выгоде или спасении. Светка, ее подруга и завистница, в таких случаях не могла надивиться на ее «глупость», но Светкины советы и злопахательство были не способны поколебать материнско-сестринские наклонности Вероники.

Вероника загадочно улыбнулась. Вячеслав, не обладая особой чуткостью, все же различил в этой улыбке сатанинский привкус. Вероника размышляла над тем, как объяснит Жоре наличие у нее серебристого платья и пары лакированных туфель со шнурочками. Чулки и белье – вне подозрения. Жора не контролировал ее нижнее белье, он путался во всех этих корсетах, поясах, чулках и бюстгалтерах. А вот по поводу платья и туфель мог задать весьма не деликатный вопрос.

Вероника лениво поднялась с дивана, продефилировала к бару и, отвинтив пробку с бутылки «Джек Даниэлз», плеснула себе в коньячную рюмку граммов пятьдесят и бросила кусок льда.

– Скажу, что была в «Парижанке», – задумчиво произнесла Вероника, словно была уверена, что ее мысли благодаря особой телепатии, свойственной любовникам и влюбленным, передались Славику, – не будет же он проверять!

– Не уверен, – шутивым тоном сказал Вячеслав и взъерошил свои светлые волосы, которые в этом жесте не нуждались, ибо и без того торчали, как иголки на дикобразе.

Вячеслав уделял большое внимание моде. Всем своим видом он старался показать, что, несмотря на свои сорок шесть, может жить и веселиться, как двадцатилетний парень. Конечно, он немного поправился, раздался, как говорят. Но его глаза, когда все шло как по маслу на работе и когда Вероника не досаждала ему своими вздорными идеями, сверкали ясной голубишной. Он поглаживал свою новомодную бородку, более темную, чем волосы, смоченные доро-

гим муссом и уложенные в лирическом беспорядке, и глядел на себя в зеркало, стремясь придать своему молодежовому лицу особенно привлекательное выражение.

Но в тот самый момент, когда он, как ему показалось, был близок к цели, когда он лукаво улыбнулся самому себе, прикрыв веки и загадочно растянув углы губ, его холеный фэйс был заслонен светлым, не совсем стройным силуэтом. Вероника подошла к зеркалу, держа в руке рюмку с виски, и принялась разглядывать себя с не меньшим интересом, чем это минуту назад делал Вячеслав.

– Какой ты меня находишь? – высокомерно поинтересовалась она, оборачиваясь к Вячеславу.

– Восхитительной, – через силу улыбнулся тот.

Неожиданно ему пришла на память хрупкая обаятельная Жаклин, с которой он провел пару вечеров в русском ресторане на улице Вавэн.

– Ты не меняешься... – льстиво улыбнулся Вячеслав, отмахиваясь от образа сексапильной француженки в черном бархатном платье и гася ценою исполинских усилий приступ кашля, – я понимаю Жорку – все никак не успокоится!

Он сдавленно засмеялся, поднялся с кресла и привлек к себе Веронику.

– А себя ты понимаешь? – томно прошептала Вероника, опуская рюмку на каминную полочку, отделанную мрамором.

– Иногда нет, – признался Вячеслав, поздравляя себя с тем, что в одни и те же слова при желании можно вложить массу смысла и оттенков, – не понимаю, как я позволяю Жорке спать с тобой.

Он закашлялся.

– Мне казалось, ты не из тех, кто ревнует... – усмехнулась Вероника. Переждав приступ кашля у любовника, она сильнее прижалась к его статной фигуре. – Надо что-то делать с твоим кашлем, – сердобольно добавила она.

И тут из ее рыжих волос, реющих где-то возле Славиного носа, вылутился призрак Жаклин. Он запорхал словно мотылек, легкий и неуязвимый. Жаклин молола какой-то французский вздор, обещая сумасшедшую ночь. Вячеслав видел, как приоткрываются ее чувственные губы, как она наклоняет голову, как улыбается неизвестно чему, как на его шее смыкаются изящные руки, как она вся запрокидывается и...

– Мечтаешь? – промурлыкала Вероника.

– Я хочу увезти тебя в Париж, – соврал Вячеслав, положив руки на Вероникины ягодицы. – Мне надоел этот дурацкий бизнес, все надоело! – он отдернул руки от Вероникиной попки и широко всплеснул ими.

Здесь уж Вячеслав не врал. Маленькая ложь тесно переплелась с признанием, полным страстной эмоциональной силы, и в итоге возник нерасторжимый комок правды и лжи, где последняя едва проступала. Вячеслав снова обнял Веронику.

– Ха-ха-ха, – запрокинув голову, засмеялась Вероника, – ты сошел с ума!

Ее карие глаза сузились от наслаждения, на скулах проступил румянец, тонкие брови чуть приподнялись, губы разомкнулись и застыли в плотоядной улыбке.

– У меня еще есть кое-что для тебя, – тихо проговорил Вячеслав, – пойдем.

Он разомкнул объятия, отстранился и, взяв Веронику за увешенное золотыми побрякушками запястье, потянул за собой. Они вошли в спальню.

– Ты это теперь так называешь? – хихикнула Вероника.

Вячеслав молча открыл ящик небольшого комода из светлого дерева и достал оттуда золотисто-черную коробочку.

– Это «Либертин», выдумка Вивьен Вествуд, – самодовольно улыбнулся он.

– Либертин? – округлила глаза Вероника.

– Во времена маркиза де Сада либертенами называли безбожных аристократов-развратников, – кашлянул он, – вот я и подумал, что тебе, моей маленькой развратнице, понравятся эти духи. Либертин – это женский род от либертен, поняла?

Он достал из коробки небольшой, увенчанный стеклянным католическим крестом пузырек. Отвернул шарообразную пробку. Вероника почувствовала запах лимона, мандарина и манго. Кисло-сладкое облако пронзила нота кипариса – Вячеслав водил пальцами по ее немного заплывшим ключицам. Аромат кипариса стал более явным, потом вдруг начал угасать, смываемый нежной фруктовую волною.

– Чудесно, – трепеща ноздрями, прошептала Вероника.

– И это не все, – зачарованно улыбнулся Вячеслав, поднеся руку к горлу – его вновь начал доносить кашель.

Справившись с ним, из того же ящика он вынул обитую синим бархатом длинную плоскую коробочку.

– Что это? – не выдержала Вероника.

Вячеслав протянул открытую коробочку Веронике.

– Часы? – в тоне Вероники ее любовник различил ноту разочарования.

– Но какие! – поспешил поддержать ее восторг и погасить ее разочарование Вячеслав. – «Алэн Манукян».

– Армяшка, что ли? – поморщилась Вероника, разглядывая прямоугольный черный циферблат с двумя малюсенькими золотыми стрелками.

Вячеслав хрипло засмеялся. «Жаклин бы так никогда не сказала», – с легким раздражением подумал он.

– Браслет из кожи питона, – гордо изрек Вячеслав, – а марка «Манукян» известна не только во Франции, но и во всем мире!

Вероника сожалела, что это был подарок, что она не могла прямо спросить, сколько стоят эти «манукяны». Она надеялась получить браслет или колье, или цепочку с подвеской. Часы... Она вздохнула, стараясь вложить в этот вздох всю гламурную томность, на которую была способна. Только бы Славик не счел ее разочарованной!

Она надела часы на руку и обняла Вячеслава. Тот погладил ее по бедрам и задрал подол серебристого платья. Призрак Жаклин забрезжил в воздухе. Он тихо затрепетал, но вдруг метнулся в сторону, сметаемый жаркой волной знакомого шепота.

– Мой милый котик, – проворковала Вероника, – Жора сегодня нам сделал неслыханный сюрприз... У нас есть два часа, – кокетливо скосила она глаза на свои новые часики, – вчера все было как-то скомкано и...

– Ну что ты! – улыбкой мачо улыбнулся Вячеслав. – Я никогда так не торчал!

Его снова душил кашель. Вероника спустила бретельки и расстегнула молнию на платье.

– Если хочешь, я останусь в туфлях и в чулках...

Она знала о маленькой пикантной слабости Вячеслава – он любил заниматься сексом с не совсем раздетыми женщинами. То есть с женщиной, то есть с Вероникой... Ибо она свято верила в то, что никакая особа женского пола не стоит ее мизинца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оставив позади заснеженную станцию, поезд набирал обороты. Его равномерное покачивание на рельсах действовало на пассажиров лучше любого снотворного. Яна смежила веки и через каких-нибудь пять минут погрузилась в тягучий, как кавалькада кучевых облаков, сон. Она реяла в их серой вате, проплывающей мимо ее лица дымящимися клубами и принимавшими странные очертания. Иногда ей казалось, что перед ней знакомые лица, и она силилась припомнить, где их видела.

Едва догадка закипала в ее мозгу, облако пронеслось с ошеломляющей силой и от него к щекам Яны шли грозные электрические разряды, отчего все ее жаждущее разгадки существо трепетало. Яна летела, чувствуя, что в ее волосы впрягается огненный ветер. Постепенно он терял силу и блеск и вдруг предстал в виде раздираемой неистовыми порывами дымки. Внезапно Яна почувствовала удушье. Она нащупала рукой горло, точно его сжимала стальная удавка или металлический галстук. Попробовала ослабить давление, но удушье только возросло.

Яна вскрикнула и открыла глаза. В зрачки ей ударила тьма, сковавшая помещение купе. И вслед за этим в дверцу купе постучались. В этом стуке Яна отчетливо различила испуг, который кто-то желал скрыть под покрывалом заботы. До нее донесся ритмичный голос проводницы:

– Выходим в соседний вагон... Аварийное отключение света... Без паники... выходим...

Кромешная тьма купе наполнилась встревоженными голосами пассажиров, жалобами и недовольством.

– Что такое? – испуганно спрашивала женщина с нижней полки.

– Не знаю, но если велено... – отвечал ей баритон мужчины сверху.

– А багаж? – взвизгнула женщина, лежащая на полке, располагавшейся под Яной.

– Ужас! – воскликнула соседка Яны. – Как же одеваться – света-то нет!

– Без паники, – скомандовала Яна, – ничего страшного. Это ненадолго.

– Откуда вы знаете? – с тревожным недоверием спросила рыжеволосая дама, с которой Яна обменялась при посадке вежливой улыбкой.

– Знаю, – сурово ответила Яна, удивляясь про себя силе своего ставшего неожиданно чужим голоса.

– А багаж? – повторила колхозница, ехавшая на нижней полке.

– Выходи, сестра, – мужчина, еще две минуты назад спавший на верхней полке напротив Яны, был батюшкой, то есть попом.

Он вез две огромные сумки с церковной макулатурой и при каждом удобном случае пытался вернуть в неприхотливый разговор пассажиров Слово Божье.

– Бред какой-то! – истерически вскрикнула рыжеволосая. – Ничего не видно.

Мрак купе наполнился суетливым копошением. Яна начала осторожно спускаться с полки и наткнулась на тучное тело попа.

– Извините, – сказала она, пытаясь нащупать сапоги.

В этот момент на нее налетела колхозница.

– Блин, так это ж пожар! – вдруг осенило ту.

– Никакого пожара нет, – с непреклонной интонацией в голосе ответила Яна, набросив на обнаженные плечи пиджак и рывком открывая дверь купе.

Тут ей в ноги ударило что-то тяжелое и огромное. Это поп повалился на пол, на своем пути увлекая за собой колхозницу.

– А-а-а! – истошно верещала та.

Свет, прынувший из коридора, вырвал из тьмы темный комок скукожившихся на полу людей. По коридору шли люди, постоянно вопрошая дрожащую от волнения проводницу о грядущей судьбе их багажа.

– Задымление, – бросила облаченная в пестрый бархатный халат женщина.

– Ничего особенного, – утешал всех парень в милицейской форме, – сработала пожарная сигнализация и включился порошковый огнетушитель. Через десять минут вы вернетесь в свои купе.

Яна еще раз посоветовала обитателям своего купе эвакуироваться, пообещав, что ничего не случится с их багажом, и спокойным шагом двинулась по проходу к тамбуру. Люди галдели, обмениваясь возгласами недоумения, страхами и опасениями. Где-то душераздирающе плакал ребенок.

– Ни хрена себе! – нервно смеялся стоявший в одном исподнем мужчина. – Так и околеть недолго!

– Да скоро все закончится, – успокаивала его девушка лет двадцати пяти в джинсах и пуховике, надетом на голое тело.

Она глубоко затягивалась сигаретой, судорожным жестом поднося и вынимая ее изо рта.

– Ну и цирк! – хохотал мужик в черной болоньевой куртке, стоявший у самой двери.

Яна еле протиснулась через задымленный тамбур в соседний вагон.

– Минуты через две все кончится, – улыбнулась она девушке.

– И вагон наш отцеплять не будут? – ухмыльнулся седовласый мужик в куртке.

У него была ярко выраженная внешность алкоголика, его колени подгибались, а руки бессмысленно шевелились в воздухе.

– Не будут, – Яна снова вспомнила тот страшный вечер, когда в катастрофе погибли ее муж и сын.

– Кому расскажешь – не поверят, – не унимался мужик.

Видно, ему хотелось поболтать. Вскоре дверь за его спиной подалась и до трясущихся в вагоне людей донесся ободряющий возглас:

– Все, заходите!

Ехавшие в Янином купе люди так и не добрались до тамбура. Рыжеволосая тряслась как в лихорадке, стоя у туалета, колхозница, выпучив глаза, пялилась на находившихся рядом ментов, а поп отрешенно созерцал проносящиеся за окнами поезда пейзажи. Яна по-доброму усмехнулась этой его отстраненности. Сама она не различала ничего, кроме запорошенной снегом черноты.

– По грехам нашим, – вздохнул батюшка, не оборачиваясь к ней, – видно, почувствовал ее присутствие, – на все воля Божья, Яна Борисовна.

– Не буду спорить, отец Пантелеймон, – тихо произнесла Яна.

Пребывавшие в трансе попутчики Яны и отца Пантелеймона двинулись вслед за ними. В купе было непривычно светло. Коробка апельсинового сока, купленного Яной в привокзальном киоске, мирно соседствовала с початой бутылкой коньяка, которым баловалась рыжеволосая женщина, заполонившая купе своим дорогим парфюмом. У нее был расстроенный вид, но держалась она с апломбом, присущим людям нового сословия.

Яна за версту чувствовала таких. Они не раз приезжали к ней на своих шикарных иномарках за советами и консультациями. Жены пытались вернуть своих совращенных «простолюдниками» мужей, мужья жаловались на измену жен, любовники требовали, чтобы Яна сняла сглаз с их любовниц, любовницы «заказывали» остуду для своих ставших привязчивыми и малообещающими любовников, престарелые жены жаждали нагнать порчу на своих более молодых соперниц и так далее, и тому подобное.

Яна часто прибегала к отказу, когда чувствовала, что просьба клиента вызвана только корыстью или злобой. Существовало несколько вариантов отказа. «Не хочу», «не могу», «не

умею». Последний вариант, к которому она иногда прибегала, в отличие от первых двух, которыми не пользовалась никогда, был довольно слабым, но достаточным. По отношению к просителям таким отказом она ставила себя где-то между их интересами и возможными контринтересами в виде прямого отказа.

Конечно, такой ответ играл непосредственную роль отказа, но и таил в себе гласное признание собственной беспомощности и неумения, давая повод просителю всячески принижать ее как специалиста при каждом удобном случае. Короче говоря, таким ответом Яна вооружала человека против себя. Но бывали ситуации, когда ради собственного благополучия следовало пожертвовать своими интересами – все зависело от конкретного положения вещей.

Самым же мягким для клиента и в тоже время окончательным отказом служил вариант: «Сейчас неподходящее время для моей работы». Она жаловалась на неблагоприятное положение планет, время года, погоду и все прочее, мешающее ей принимать космическую энергию. Иной раз она притворно сожалела по поводу того, что у нее закончилась камфора, необходимая для смещения сознания.

Яна была чуткой, а потому порой беззащитной перед наплывом насквозь прагматических интересов, и поэтому должна была защищаться от подобных просьб. Она знала, что ее сила в сфере мистики и предсказания оборачивается слабостью и уязвимостью в делах земных, а потому более всего блюла свою чистоту, которую трактовала как возможность отключаться от сиюминутных людских слабостей, чтобы, открыв себя для восприятия космической мощи, оказать действенную помощь людям, подлинно нуждающимся в ее способностях и испробовавших все известные методы до того, как прибегнуть к ее услугам.

– А вы что по этому поводу думаете? – рыжеволосая заставила ее вернуться в обычное состояние сознания. – Вы, кажется, были уверены, что ничего страшного не случится? С вами все в порядке?

В голосе рыжеволосой звучало беспокойство. Вызвано оно было скорее всего тем, что Милославская слегка прикрыла глаза и сидела, прислонившись к перегородке, разделявшие соседние купе.

– Не беспокойтесь, – улыбнулась Яна и открыла глаза, – я – в норме.

– А как насчет пожара? – не унималась рыжеволосая.

– Так ведь не было никакого пожара, – уверенно произнесла Милославская.

– Но вы знали об этом заранее?

– Можно и так сказать, – уклонилась от прямого ответа Яна Борисовна.

– Не хотите отвечать – не надо, – рыжеволосая обиженно поджала пухлые губы и сделала вид, что собирается снова лечь спать.

– Не обижайтесь, – остановила ее Милославская, – я действительно могу кое-что предсказывать, но люди относятся к этому по-разному.

– Ерунда, – сидевший рядом с ней батюшка провел рукой по пышной купеческой бороде, – только Господь знает, что нас ожидает. Так что не гневите Бога, сестра.

– Не буду с вами спорить, отец Пантелеймон, – Милославская скромно потупила глаза, – я уважаю человеческие заблуждения.

– Что вы имеете в виду? – грузно, всем телом повернулся к ней поп.

– Спросите у вашего Бога, – улыбнулась Яна, – возможно, он вам объяснит.

– Не богохульствуй, сестра, – батюшка осенил себя крестным знаменем и собрался еще что-то сказать, наверное, привести цитату из Святого Писания, но рыжеволосая перебила его.

– Простите, отец Пантелей, – быстро проговорила она, бросив на попа короткий взгляд и посмотрела на Милославскую.

– Нам нужно с вами поговорить.

– Пантелеймон, – недовольно пробурчал батюшка и, выдвинув лестницу, стал забираться на верхнюю полку. – Спокойной ночи.

– Пожалуй, мне тоже необходимо немного поспать, – Яна встала и полезла на соседнюю полку.

– Но... – неуверенно произнесла рыжеволосая.

– Поговорим завтра, – кивнула ей сверху Милославская, – поезд прибывает в Семеновск около часа дня, так что еще успеет.

– Хорошо, – на удивление быстро согласилась рыжеволосая, – кстати, меня зовут Вероника.

– Яна Борисовна, – Милославская кивнула ей сверху, – спокойной ночи.

– Надеюсь, что ничего страшного до утра не произойдет, – рыжеволосая сделала большой глоток коньяка прямо из горлышка.

«Как знать», – подумала Яна Борисовна и закрыла глаза. Заснула она моментально, как приучила себя делать в любых ситуациях.

* * *

Утром, за завтраком пассажиры вспомнили о вчерашнем инциденте с задымлением.

– Вот Яна Борисовна... я правильно говорю? – обратилась колхозница к Милославской, и та кивнула, – сразу сказала, что ничего страшного. Такая спокойная была... – уважительно добавила она.

Яна тихо рассмеялась. Наивность этой женщины тронула ее.

– А как вы догадались? – заинтересованно спросила Вероника.

– Просто увидела, – улыбнулась Яна.

– Как в кино? – наивно спросила колхозница.

– Это особый дар, – со значением обвела взглядом присутствующих Вероника, – им немногие владеют, но многие притворяются, что его имеют и вводят простых людей в заблуждение.

На ее губах появилась горькая усмешка.

– Вы о ком говорите? – спросила колхозница.

– Об экстрасенсах, – нехотя сказала Вероника, – я у одной такой дамы была – знакомую разыскивала. Так она меня в Подмоскowie направила, к ее родственникам, а оказалось, что те ее не видели уже несколько лет. Зря проездила, – разочарованно вздохнула она.

– И сколько вы ей заплатили? – поинтересовалась колхозница, – проводя руками по всклокоченным волосам в тщетной попытке заправить неровные пряди за уши.

– Достаточно, – уклончиво ответила Вероника и выразительно посмотрела на Яну.

– А что, ваша знакомая пропала? – удивленно приподняла брови колхозница.

– Да, – односложно ответила Вероника и опустила глаза. – Вы могли бы помочь мне? – шепнула она сидящей рядом Яне.

– Поговорим позже, – Яна поднялась с полки, достала с вешалки сумку, где у нее лежал дамский несессер и, прихватив вафельное полотенце, отправилась умываться.

* * *

Поезд прибыл на станцию без опоздания. Сойдя на заснеженный перрон, Вероника терпеливо ждала свою попутчицу. Наконец, та появилась с небольшой темно-синей сумкой. Она была без шапки, и ее отливающие как вороново крыло черные волосы, собранные в течение всей поездки на затылке, получив свободу, рассыпались гладкими блестящими прядями по светлому меху ее полушубка. Ей можно было дать лет сорок. Немного резкие черты лица, тонкий профиль и плотно сомкнутые губы придавали ей сосредоточенное выражение. Глубоко сидящие синие глаза, казавшиеся черными из-за темных кругов под ними и выступающих надбровных дуг, смотрели пронзительно, словно цепляли собеседника, и одновременно поражали какой-то неземной отрешенностью. Создавалось двойственное впечатление, словно Яна пронизала взглядом человека и в то же время с какой-то ожесточенной пристальностью всматри-

валась в надмирные сущности, стремясь открыть за видимой оболочкой вещей их подлинное значение.

Вероника еще колебалась, стоя на перроне, но, увидев свою черноволосую попутчицу, поняла, как должна поступить.

– Вы должны мне помочь... – взволнованно проговорила она, пристраиваясь с правой стороны – осаждаемые неумно-алчными таксистами пассажиры шагали к тоннелю.

Яна чуть заметно поморщилась, и Вероника поняла, что выразилась неуклюже.

– То есть вы, конечно, мне ничего не должны, но я вас умоляю, помогите!

– Несмотря на ваше разочарование в экстрасенсорике, вы готовы снова прибегнуть к помощи такого рода? – чуть приподняла брови Яна.

– Есть разные врачи, инженеры и политики... – затараторила Вероника, – также есть и разные экстрасенсы. Я читала одну такую книгу... Ах да, «Дар бессмертия» называется, там про настоящих экстрасенсов речь шла. Разные случаи описывались. Я знаю, что быть экстрасенсом не просто, что они теряют массу энергии, часто становятся жертвами недобрых людей...

– Видите ли, я не экстрасенс, точнее говоря, не совсем экстрасенс. У меня свои методы.

– Так вы поможете мне? – неожиданно просияла Вероника, – у меня очень неприятная ситуация...

Тут ее лицо погасло, брови сомкнулись на переносице, а между ними образовалась глубокая складка. На глаза навернулись слезы.

– Вы уверены, что никак по-другому не сможете преодолеть эту трудную ситуацию? – недоверчиво спросила Яна.

– Уверена, – влажно блеснули глаза Вероники.

– Хорошо, – Яна остановилась перед входом в тоннель, – записывайте мой адрес. Только я вас должна предупредить: стопроцентной гарантии, что я возьмусь за ваше дело, нет. Вначале я должна узнать, о чем идет речь, то есть побеседовать с вами в спокойной обстановке, все взвесить и тогда уже...

– Конечно-конечно, – вновь повеселела Вероника, светившаяся надеждой, – я вам щедро заплачу!

– Об этом поговорим, когда вы введете меня в курс дела и когда я точно буду знать, смогу ли вам помочь... – ровным голосом сказала Яна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дома Яну ждало настороженное молчание стен. Она свыкалась с этим молчанием, когда долго никуда не уезжала, и спокойно переносила его, испытывая зачастую удовольствие от сознания своей уединенности. Но вот когда возвращалась из какой-нибудь поездки... Словно в ней подсознательно жила уверенность, что кто-то остался ждать ее в этом пустом и тихом жилище, словно стоит ей погромыхать ключом в замке и навстречу ей выскочит ее сын...

Приняв ванну, Яна вытянулась на обитом зеленым бархатом диване. Она любила свой кабинет, его немного мрачноватые тона, его магический ореол.

Задрапированные плотной материей стены, старинное кресло, спинка которого поблескивала темной бронзой, подушечка для ног – на черном фоне три красные лилии. Плотные занавеси, делящие кабинет на две комнаты, широкий диван, коврик для упражнений, небольшой алтарь с семирожковым каббалистическим подсвечником с высокими свечами. Изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, африканская маска, крохотный комод, статуэтки египетской кошки, Анубиса и бога Тота, два удобных кресла для посетителей, низкий и узкий столик, покрытый черным китайским лаком, на котором замерла копия скульптуры Родена – «Две танцующие руки». Ее взгляд скользил с одного предмета на другой, пока не потонул в огромном венецианском зеркале, рассекающем книжные полки на два симметричных отдела и – стоило только довериться ему – поглощающему всю комнату без остатка, уводящему сверкающими лабиринтами в страну нездешних грез и возможностей...

Яна закрыла глаза. Она чувствовала себя уставшей. Можно даже было сказать, что она чувствовала себя подавленной и угнетенной. Она глубоко вдохнула, задержала дыхание и медленно выпустила воздух из легких.

«Я спокойна, я спокойна и раскована, внушала себе Яна.

– Чудесное чувство покоя и уверенности распространяется во мне, я полна мира и гармонии. Я хорошо чувствую себя такой, какая я есть сейчас, я по-настоящему радостна и счастлива...»

Яна смежила веки и уснула. Она проспала до шести утра и проснулась отдохнувшей и просветленной. Ее сон был настолько крепок, что привидевшееся ей пламя, клокочущее тысячу языков и плавящее черный воздух, не смогло вырвать ее из дремучей бездны сна, где она витала точно сросшая с покойной сумеречной жизнью океанских глубин.

* * *

Ровно в одиннадцать утра в прихожей раздался звонок. Накинув на плечи старый полушубок, Яна вышла во двор и, пройдя по узкой дорожке к калитке, отодвинула щеколду.

– Здравствуйте, Яна Борисовна, – за забором стояла Вероника в дорогой короткой шубе из чернобурки.

– Добрый день, – Милославская окинула посетительницу белым взглядом. – Проходите.

Она заметила, что та приехала одна на маленьком желтом «Фольксвагене», который теперь стоял на дороге.

Готовясь к этому визиту, Яна уже знала, что рыжеволосая посетительница, как, впрочем, и многие другие, старается произвести на собеседника особое впечатление. Для этого у Милославской имелась колода специальных карт, при помощи которых она настраивалась на определенную ситуацию. Карты эти она изготавливала сама, постоянно их изменяя и совершенствуя. Они представляли собой картонные прямоугольники размером с обычные игральные карты. Отличие же заключалось в том, что на них вместо обычных изображений королей или десятков-девяток были нарисованы черной тушью оригинальные символы, понятные только Яне Борисовне. Например, карту, которую Милославская для себя называла «Царство Аида», она

изображала то в виде полной луны с потухшим взором, то в виде разверзнувшейся между двух гигантских скал бездны, из которой вырывалось всепоглощающее пламя.

Вместе с изменением изображения менялась и сила воздействия карты. Чисто интуитивно Яна подбирала такой рисунок, который помогал ей настроиться на какое-то действие наилучшим образом с наименьшими затратами энергии. Но даже самая лучшая карта отбирала у нее столько сил, что она не могла использовать подряд больше двух карт. Единственной картой, которой она могла пользоваться три или даже четыре раза подряд был «Джокер» или, как она ее еще называла, «Сюрприз». На ней в прошлый раз Яна нарисовала висящий над пустыней остроуголый полумесяц с задорно звонящим колокольчиком.

Эта карта иной раз выдавала такую информацию, которую не всегда и не сразу можно было понять, но в конечном итоге, приложив дополнительные усилия, можно было подойти к проблеме с неожиданной стороны. Перед появлением Вероники Милославская использовала другую карту – «Взгляд сквозь оболочку», которая помогала ей определить настроение человека и его стремления в данный момент. Два витка уходящей в бесконечность спирали словно развертывали недреманное око, в зрачке которого, как в камее, был запечатлен профиль то ли индейца, то ли древнего египтянина. Нижняя спираль, острым концом тянущаяся к зрачку справа, скользила над верхним полушарием некоего шарообразного тела. Было впечатление, что глаз висит в черном океане космоса, где островами млечного пути клубились звездные острова.

Вернувшись в сопровождении Вероники в дом, Яна предложила ей раздеться и прошла в приемную. Сверкая навешанными на себя драгоценностями, рыжеволосая проследовала за ней.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – не дожидаясь, пока Вероника усядется, Яна заняла свое рабочее кресло. – Я вас слушаю.

– Вот, – немного помолчав, Вероника достала из черной, расшитой стразами сумочки маленькую коричневую пуговицу и положила ее на лакированную поверхность стола.

Яна выжидательно смотрела на посетительницу, положив руки на подлокотники. Та явно занервничала.

– Если хотите, я могу заплатить вам заранее, – произнесла Вероника, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Об этом поговорим позднее, – Яна отрицательно покачала головой, не глядя на пуговицу, лежащую на столе. – Изложите свою просьбу.

– Я хочу, – собравшись с мыслями, сказала Вероника, – чтобы вы помогли мне отыскать одного человека.

– Эта пуговицу принадлежала ему? – Милославская скосила глаза на стол.

– Да.

– Вы мне говорили, что не первый раз пытаетесь воспользоваться услугами экстрасенса, – посмотрела на Веронику Яна Борисовна.

– Да, – Вероника недовольно поджала губы, – только меня отправили в неверном направлении.

– Это бывает, – усмехнулась Яна, откинув назад свои черные блестящие волосы.

– Но... – замялась Вероника.

– Вы же сами говорили, – спокойно возразила Яна Борисовна, – что, как и люди обычных профессий, экстрасенсы бывают разной квалификации. К слову сказать, у меня нет никаких дипломов или грамот. Может быть, вы хотите обратиться к кому-то другому?

– Нет, – резко покачала головой Вероника, – я пришла к вам и хочу, чтобы вы со мной поработали.

– Отлично, – улыбнулась Яна, – ваша уверенность мне очень импонирует. – Так что же это за пуговица?

– Эта пуговица, – Вероника наклонилась к столу, и коснулась пальцем коричневого кругляшка, – с костюма одного человека...

Вероника замолчала как бы пытаясь получше сформулировать свою просьбу, и Яна не стала ей мешать. Она только откинулась на спинку кресла и расслабилась.

– ...Человека, который мне дорог, – сдавленно произнесла наконец рыжеволосая.

Что-то в ее словах показалось Яне неискренним, но она не стала пока напрягаться, не зная точно, что все-таки от нее требуется.

– Если вы сможете мне сказать, где сейчас находится этот человек, я хорошо вам заплачу, – добавила Вероника.

– Вы заплатите мне столько, сколько я скажу, – Яна слегка склонила голову на бок, – иначе мы просто не договоримся. Моя работа, как и всякая другая, может быть оценена. Но оцениваю ее я сама, потому что никто другой сделать это не в состоянии. Если цена вас не устроит, мы просто расстанемся, пожелав друг другу всего хорошего. Кстати, я могу отказаться выполнять ваш заказ и без объяснения причин. В этом случае, естественно, я ничего с вас не возьму. Устраивает вас такой расклад?

– Думаю, да, – неуверенно приподняла плечи Вероника.

– Кажется, ничего другого мне не остается...

– Ну, почему же, – Яна подняла глаза к потолку. – Вы можете отказаться уже сейчас.

– Я остаюсь, – нахмутив брови, прошептала Вероника.

– Хорошо, – Яна Борисовна вздохнула и поднялась с кресла. – Хотите кофе?

Не дожидаясь ответа, она отправилась на кухню, оставив гостью в некотором замешательстве. Что, собственно, и требовалось. Человек в состоянии даже легкого стресса раскрывается, и тогда становится гораздо проще понять, что он из себя представляет. Человек, обладающий необыкновенными способностями, все же не Бог и даже не волшебник, хотя он часто совершает поступки или действия, не понятные обычному, малочувствительному человеку. Он может заглянуть в прошлое или будущее, зачастую сам не вполне понимая, как это ему удается.

Пока Яна заваривала кофе в маленькой серебряной джезве, мысленно она была там, в своем рабочем кабинете. Чем-то Вероника была ей неприятна, но она еще не понимала, отчего это происходило. Пока что та не сказала ничего о своих меркантильных интересах, если они присутствовали, и Яна предполагала, что их может и не быть. Что ж, всегда лучше разыскивать пропавших людей, чем исчезнувшие деньги или драгоценности. По крайней мере, Яне это было гораздо ближе и понятнее.

Она вернулась в комнату с маленьким подносом, на котором стояли две темные керамические чашечки, от которых исходил изумительный аромат. Этот аромат был сродни запаху сандала или лаванды.

– Угощайтесь, пожалуйста, – она поставила поднос в центр стола и снова заняла свое удобное кресло, в котором так удобно было расслабляться и концентрироваться.

Она первой взяла с подноса чашку и сделала крохотный глоток. Тепло, смешанное с ароматом кофейных зерен, приятно согрело тело.

– Итак, – подождав, пока и Вероника попробует кофе, спросила Яна Борисовна, – что вы хотите узнать о человеке, которому принадлежала эта пуговица?

– Скажите мне, – Вероника поставила чашку на стол рядом с пуговицей, – жив ли он?

– Вы в этом сомневаетесь? – Яна приподняла брови.

Ей что-то определенно не нравилось.

– Да, – торопливо кивнула Вероника.

– Это все, что вы хотели бы знать? – Яна приготовилась к сеансу.

– В любом случае, мне нужно еще знать, где он находится, – гостья снова подняла кофе и поднесла чашку к губам.

– Хорошо, – Яна Борисовна сосредоточенно кивнула, – вы мне поможете, если тоже будете думать об этом человеке, – добавила она. – Вам это будет стоить тысячу рублей. Надеюсь, это не слишком разорительно?

– Ну что вы! – Вероника торопливо полезла в сумочку, стразы которой таинственно сверкнули в приглушенном свете электрической лампы.

Она положила на стол две пятисотенные купюры и отодвинула их от себя. Выдвинув маленький ящичек, Яна смахнула туда деньги и, достав небольшую колоду карт, принялась за работу.

Гостья взяла пуговицу и переложила ее ближе к Милославской.

– Не нужно лишних движений, – резко осадил ее Яна Борисовна, – я же сказала, что вам следует делать. Если не хотите помогать, то уж не мешайте, во всяком случае.

– Извините, – Вероника положила руки на сумочку, покоящуюся у нее на коленях.

Она чувствовала силу этой черноволосой женщины, сидящей напротив нее и глядящей куда-то мимо, и уже начала жалеть, что решилась на этот опыт. Лучше бы она не приносила сюда эту чертову пуговицу. «Это все Светка придумала, леший ее подери, – ругала она про себя подругу. – Теперь все может быть испорчено. Ладно, – попыталась она себя успокоить, – теперь уже поздно идти на попятный, будь что будет». Вероника нервно затеребила перстень с розовым сапфиром на среднем пальце правой руки.

В это время Яна Борисовна, тщательно перетасовав колоду, выбрала две карты: «Царство Аида» и «Взгляд сквозь пространство», слегка встрепенулась, словно стряхивая с себя легкое оцепенение, и с иронией, смешанной с сожалением, посмотрела на просительницу.

– Ну что? – Вероника подняла голову, стараясь не смотреть Милославской в глаза.

– Нужно будет еще кое-что уточнить, если вы этого потребуете, – медленно и четко артикулируя слова, произнесла Яна, – но, боюсь, мне нечем вас обрадовать. Человек, которому принадлежала эта пуговица, скорее всего, мертв, причем, довольно давно, как минимум два года. Это ваш родственник, – продолжала она, наблюдая за реакцией Вероники, – который гораздо старше вас, скорее всего, отец или дядя... Он был похоронен по православному обряду в присутствии большого скопления родственников и друзей.

– И вам об этом хорошо известно, – с оттенком раздражения добавила Милославская, немного помолчав. – Я права?

Вероника, и так не знавшая, куда деться от стыда, опустила глаза.

– Думаю, – жестко сказала Милославская, – вам лучше сейчас уйти. Мне не нравится, когда со мной играют в такие игры.

Она положила обе карты назад в колоду, оставив ее в руках.

– Погодите, – умоляюще посмотрела на нее Вероника, – я должна вам кое-что объяснить.

– Избавьте меня от этого, – уголки плотно сжатого Яниного рта нервно дернулись, – мне и так все ясно.

– Нет, – почти закричала раскрасневшаяся посетительница, глаза которой горели страстным огнем, – вы должны меня выслушать.

«Господи, – подумала Милославская, – кажется, я снова нарвалась на психопатку, – с ними нужно поосторожнее». Вслух же она сказала, стараясь придать голосу всю возможную мягкость:

– Послушайте, Вероника, – Яна специально назвала посетительницу по имени, чтобы немного успокоить ее, – кажется, мы заключили с вами договор, и все его положения я выполнила, вы так не считаете? – Она с меланхоличным видом тасовала колоду.

– Да, да, все правильно, – согласно закивала Вероника, – только, боюсь, вы меня неправильно поняли.

«Ах, я ее еще и не поняла, – резюмировала про себя Яна, – значит, случай действительно тяжелый. Что же мне с ней делать? Не спускать же собаку...»

Полторагодовалая среднеазиатская овчарка, которая жила с Яной, приученная к порядку, спокойно дремала за занавесом. Но спокойной она была только тогда, когда этого требовала хозяйка. Яна не знала другой собаки, которая была бы настолько предана и так сильна, чтобы без раздумий выполнить любой приказ. Джемма только тихонько сопела носом, ожидая либо разрешения войти, либо другого приказа. Джемму Яне Борисовне привезли из Туркмении, где отдали за нее большие деньги, и теперь, несмотря на то, что она была еще молодой сукой, весила больше сорока килограммов и вполне могла справиться со взрослым человеком, тем более с женщиной.

Однажды, когда Джемме только исполнился год, Яна гуляла с ней по набережной Волги, где, как обычно, выгуливали своих четвероногих питомцев многие семеновцы. В тот злополучный вечер там же оказался мощный белый бультерьер с розовыми поросячьими глазками, хозяин которого – рахитичный очкарик – по всей видимости, страдал комплексом неполноценности и всячески поощрял свою собаку, задиравшую других животных.

Для этого совсем не обязательно собаку натравливать или давать ей команду «фас», достаточно всего лишь с улыбкой относиться к ее проделкам – животное все прекрасно поймет. Этот белый кобель прекрасно понимал, что от него требовалось – показать свою силу. Но в этот раз он ошибся. Ошибся в своих силах.

Подбадриваемый негласно своим хозяином, бультерьер сперва обляял Джемму, на что та отреагировала довольно флегматично, а потом попытался припугнуть Яну Борисовну. Этого Джемма снести не могла. Привыкший всегда побеждать здоровенный бультерьер смело кинулся на Яну. Возможно, он и не собирался причинить ей вреда, Бог его знает, но Джемма рассудила по-своему. Ринувшись наперерез белому упитанному обрубку, она схватила его за холку и, приподняв над землей, пару раз с ожесточением трянула головой. Таким приемом хищники обычно обездвигивают зайцев или другую дичь, переламывая им шейные позвонки. То же произошло и с бультерьером. Он мгновенно потерял способность двигаться и тихонько почил в Бозе, успев только передать последний вздох подбежавшему очкарику.

Яна, еще не поняв, что бультерьер уже никогда не поднимется, растерянно смотрела на его хозяина, который начал было скверно ругаться и пошел на Яну с кулаками, но тут же осекся и замолчал, услышав предупреждающий рык Джеммы. В принципе, в гибели своей собаки виноват был сам хозяин, но Яна долго переживала эту смерть и всю дорогу объясняла Джемме, что она была не права. Джемма смотрела на хозяйку преданным взглядом, не понимая, за что ее ругают.

Начав серьезно относиться к парапсихологии и прочитав множество книг, Яна стала тренировать Джемму выполнять ее телепатические приказы. Это заняло какое-то время, но когда у Яны с Джеммой начало что-то получаться, Милославская поняла, что при таком общении с собакой не нужно даже, чтобы сначала команды выполнялись «с голоса». Яна всего-навсего представляла себе мысленно, что она хочет от собаки, и Джемма, сначала как бы не понимая, откуда к ней поступает приказ, начала постепенно повиноваться.

К удивлению Яны, обучение было настолько эффективным, что теперь, на каком бы расстоянии друг от друга ни находились хозяйка и собака, Джемма всегда грамотно исполняла то, что мысленно ей приказывала Яна. Жаль только, что с людьми так не получалось.

– Может быть, вы считаете, что я в чем-то ущемила ваши интересы? – Яна без злости посмотрела на Веронику.

– Нет, нет. Все правильно, – заверила ее рыжеволосая. Я это сделала, чтобы быть уверенной в ваших способностях. Вы не должны на меня за это сердиться. Я уже однажды столкнулась с некомпетентностью и поэтому решила вас проверить. Прошу меня за это извинить. Поймите меня правильно. Я должна быть уверена, что имею дело с профессионалом...

«Довольно логично», – подумала Яна, но продолжала молчать, наблюдая за своей гостьей.

– Так вот, – горячо продолжала та, – по-другому я бы не смогла этого узнать. Но теперь, когда все встало на свои места, и вы, как вы только что сказали, выполнили условия нашего договора, мы могли бы перейти к следующему пункту. Вернее, мы могли бы заключить новый договор. Вы согласны?

Она говорила с таким запалом, вполне четко формулируя свои мысли, что Яна согласилась ее послушать.

– Ладно, – кивнула она, – можете продолжать.

– Вы на меня не сердитесь? – робко улыбнулась Вероника.

– Это не имеет значения, – покачала головой Яна Борисовна, – вполне достаточно того, что я готова к дальнейшему сотрудничеству. Сотрудничеству, заметьте, – добавила она, допивая остывший кофе.

– Да, – Вероника нервно сглотнула слюну, – все верно... то, что вы мне сказали о моем отце. Эта пуговица именно с его пиджака. Вы позволите мне закурить? Я чувствую себя без сигареты не слишком уверенно.

– Ну, – пожала плечами Яна, – если вы без этого не можете обойтись...

Вероника вынула из сумочки пачку сигарет, изящную золотую зажигалку и закурила, ища глазами пепельницу. Обычно, во время сеансов Яна не курила – это несколько рассеивало внимание – не стала она делать этого и сейчас, но медленно поднялась и, взяв с полки небольшую медную пепельницу, поставила ее на стол.

– В чем же все-таки заключается ваша проблема? – Яна снова заняла свое место напротив Вероники. – Только прошу вас, – предупредила она, – говорите мне правду, я все равно узнаю, если вы мне соврете.

– Да, да, конечно, – выпустив дым через ноздри, ответила Вероника, – я это уже поняла. Дело в том, – снова помедлив сказала она, – что погиб один человек. Сгорел в своем гараже. Несчастный случай, так сказать...

– Хорошо, – машинально похвалила ее Яна, но тут же поправилась, – то есть ничего хорошего, конечно, в этом нет, но мне импонирует, что сейчас вы говорите откровенно. Продолжайте.

– Незадолго до этого я дала ему деньги, довольно большую сумму... для меня, потому что он попал в неприятную ситуацию. Это было связано с его работой. Его звали Вячеслав Сергеевич Горбушкин, если вам это нужно.

– Не обязательно, – слегка развела ладони Яна Борисовна, но раз уж вы сказали...

– Так вот, – Вероника снова с трудом сделала глотательное движение, словно у нее воспалились гланды, – он оставил мне нотариально заверенную расписку в получении денег. В принципе, я могла бы попробовать получить долг с его дочери, она уже совершеннолетняя и единственная его наследница. Но, к сожалению, она куда-то исчезла, пропала, испарилась.

– Вы пытались ее найти?

– Да, конечно, – грустно улыбнулась Вероника, но поняла, что это мне не по силам. Понимаете, заявлять в милицию я не могу, Слава – просто мой любовник. Других родственников, кроме дочери, у него нет.

– А жена, или бывшая жена? – Яна подняла на Веронику проницательные глаза.

– Они давно разведены, – вздохнула Вероника, – так что у нее на его наследство тоже не может быть никаких претензий. Вернее, претензии-то могут, конечно, быть, только все это безнадежно.

Яна не стала интересоваться тем, насколько для ее клиентки реальны шансы получить долг отца с дочери. Она слабо улыбнулась и спросила:

– Вы долго искали девушку?

– Уже месяц, как ее нет. Я не знаю, – растерянно посмотрела на Яну Вероника, – может, она у какого-нибудь парня или подружки? Квартира на замке.

– А ваш любовник жил вместе с дочерью?

– Она то снимала отдельную квартиру, то жила с ним, – вздохнула Вероника. – Я старалась не замечать ее... хотя, конечно, не могла сбросить со счетов ее существования.

Вероника стыдливо потупила глаза.

– Вы хорошо знали эту девушку?

– Не могу сказать, – пожала плечами и виновато улыбнулась Вероника, – да она всегда недолюбливала меня, считала, наверное, что я краду у нее ее папочку.

Яна немного поморщилась. Эта гримаса не ускользнула от внимания Вероники.

– Извините, что я вам все это рассказываю, – спохватилась она.

– Наоборот, – подбодрила ее участливым взглядом Яна, – мне важно знать побольше информации об этой девушке и ее отношениях с вами. Это поможет мне настроиться. У вас есть какой-нибудь принадлежащий ей предмет?

– У меня есть ее фото, вернее, наше совместное фото.

Вероника достала из своей роскошной сумки небольшой блокнот, а из него – картонный прямоугольник. Яна взяла протянутую ей фотографию и принялась ее рассматривать.

Фото являло «святое семейство». Яна без труда догадалась, что мужчина, запечатленный на фото, не кто иной, как Вячеслав. У него были квадратные челюсти, взгляд исподлобья, светлые волосы, пронзительно синие глаза, крупный нос и резко контрастирующий с жестким подбородком сочный округлый рот.

Он был в одних плавках, поэтому Яна могла оценить его фигуру – немного оплывшую с боков, но все еще сохраняющую мускулистую силу юности. Вячеслав был крепкого телосложения, с короткой шеей и мощно развитой грудью.

Рядом с ним стояли две фемины. Одна, в ней Яна узнала Веронику, прикинула к тяжеловагой фигуре Вячеслава. Она была в закрытом купальнике, черном с белой отделкой, на шее – изящное ожерелье из слоновой кости. Волосы Вероники были забраны назад, высоко открывали ее красивый покатый лоб и нестерпимо сияли на солнце – огненной медью. Вероника широко улыбалась, демонстрируя свои крепкие ровные зубы.

С другой стороны к мужчине прислонилась юная стройная девушка лет двадцати двух. Она казалась особенно хрупкой и миниатюрной рядом с Вячеславом. Пышные формы Вероники тоже в свою очередь выгодно подчеркивали ее утонченную легкость. Она была на удивление пропорционально сложена, с плоским животом и почти неразличимой грудью. Яна даже подумала, что лифчик ее розовато-белого купальника ей ни к чему.

Лицо девушки было не столько красиво, сколько оригинально: голубые продолговатые глаза под низкими, прихотливо изломанными бровями, правильный, хотя и немного широкова-тый нос, впалые щеки и большой чувственный рот. Девушка не улыбалась, смотрела исподлобья, словно была чем-то недовольна или затаила на кого-то обиду. На ее высокой шее, смуглую позолоту которой подчеркивали светлые распущенные волосы, висела изящная безделушка – серебристый, приплюснутый с полюсов «волчок».

В ее взгляде таилась какая-то загадочная сила, от лица веяло страстной сосредоточенно-стью.

– Так это и есть та девушка, которую вы разыскиваете? – нарушила молчание Яна.

– Да, – мотнула головой Вероника, – дочь моего друга.

– Расскажите мне о ней.

– Ее зовут Рита. Знаю только, что она довольно взбалмошна и эгоистична, полна бредовых идей и капризов. Привыкла, что папочка выполнял каждое ее желание. Видите, – недобро усмехнулась она, – какие губы себе сделала? Операция – мне потом Слава сказал – стоила три тысячи зеленых. И все это только для того, чтобы так изуродовать себя! Согласитесь, ее рот выглядит ненатурально, – с брезгливым пренебрежением передернула она плечами. – Ну разве

не самодурство? Да с ее характером, какое себе лицо не сделай – все равно никого себе не найдешь!

Вероника сверкнула глазами, чем вызвала у Яны тонкую усмешку.

– А эта ее работа! – гневно продолжила Вероника, – дизайнер не знаю чего! – она судорожно рассмеялась. – Больше по дискотекам да вечеринкам шлендрает, чем учится. Я всегда была несогласна со Славой, что касается методов воспитания... – выразительно посмотрела она на Яну. – Это мы в Сочи, – сменила вдруг нему Вероника, кивнув на фотографию, – отдыхали в «Редисон-Лазурная», – с томным вздохом добавила она.

– Хорошо. Я попробую настроиться на нее.

Яна молча перетасовала карты и, разложив их на столе, выбрала одну, которой она не воспользовалась в первом опыте.

– «Взгляд сквозь пространство». На карте была изображена отвесная скала посреди моря и слева от нее замерший в воздухе диковинный восьмигранник, в который был вписан совершенно круглый глаз. Его зеркальный выпуклый зрачок пугал, плавя и слегка искажая картинку тюремного окна, похожего на бойницу. От скалы по водной поверхности змеилась дорожка, а в нее били своими беспощадными трезубцами исходящие от восьмигранника молнии.

Яна положила карту на ладонь. Вероника с легким недоумением и недоверием наблюдала за ее действиями.

– Что? – обеспокоенно спросила Вероника.

Яна только сделала молчаливый пресекающий жест и сосредоточилась на карте. Она медитировала минуты три, потом приковала взгляд к бледному в зеленоватом свете лампы лицу Вероники.

– Где она? – привстала Вероника, вконец потерявшая терпение.

Яна, наконец, заговорила с закрытыми глазами:

– Ваша девушка совсем рядом, я чувствую ее дыхание. Немного учащенное, внутри – жар. Я слышу металлический звук... так хлопает дверца... Снег дрожит, в нем – черные дыры... Она проходит сквозь серое... Свет... она хочет укрыться от него. Синие поверхности следуют одна за другой. Из их брюха торчит что-то белое, мягкое, жалкое. Оно вываливается, падает вниз, когда она трогает его. Дальше, дальше, – крикнула как в экстазе Яна, – тяжелое, неживое лицо выплывает навстречу, темное, со сросшимися бровями, над ним – диадема, тоже из дерева... В зеркале – полая голова, она молчит. Угроза... Дыхание... Шаги... Кто-то хочет скрыть свои шаги...

«Бред какой-то!» – испуганно подумала Вероника.

– Страх, – неистово крикнула Яна, чем повергла Веронику в самую настоящую панику, – что-то сдвинулось, что-то не так, хаос! Красное пятно... боль... оползень... растерянность... страх...

Яна резко опустила голову, потом запрокинула ее. Не открывая глаз, она вещала, как пифия.

– Лунная немота отверзает раны будущего! Женщины обманывают так же, как и мужчины. Оранжевое хочет поглотить красное тело, вдается в него, как море – в сушу. Красная кромка... на ней – синие глаза. Она там, она боится. Скрежет, я слышу сухой скрежет. Сердце падает в бездну. Тишина, наводненная отчаянием. Прячься!

Яна в изнеможении упала на спинку стула. Ее заполонила невероятная слабость, что была сродни усталости роженицы. Так же, как женщина, произведшая на свет ребенка, Яна дивилась внезапной пустоте и молчанию, открывшим перед нею тоскливые просторы безразличия. Слепота сковала ее глаза, ее опорожненное духовное чрево ныло, руки дрожали, на лбу выступила испарина.

– Куда вы? – открыв глаза, она увидела Веронику, стоящую у двери.

– Я положила... – боязливо кивнула та на стол.

Яна опустила глаза и увидела пять пятисотрублевых купюр.

– Этого достаточно?

– Вполне, – горько усмехнулась Яна. – Сегодня я уже ничего не могу для вас сделать.

– Ага... – попяtilась Вероника, – думаю, я вас больше не побеспокою.

Яна озадаченно пожала плечами.

– Вы удовлетворены?

– Вполне, – натужно улыбнулась Вероника. – Я должна спешить. Простите меня.

– Конечно-конечно, – устало улыбнулась Яна, – всего доброго.

* * *

Вылетев из дома, точно пробка из бутылки с шампанским при неумелом открывании, Вероника села в свой одиноко стоявший «Фольксваген» и помчалась на улицу Пороховую. У нее не было никаких сомнений в том, что там, наконец, она сможет встретиться с этой «мерзавкой», как она нелестно про себя именовала дочь Вячеслава. Гибель Вячеслава была столь таинственной, столь внезапной, что Вероника даже чувствовала себя какой-то обманутой. Да, трагическая смерть, да, воля случая или судьбы, если это не одно и то же, а может, чья-то месть или зависть, жестокое соперничество, но все же Вероника не находила в себе сил примириться со столь молниеносным уходом Вячеслава из жизни. Ведь она считала себя дамой его сердца, а потому частично считала его своей собственностью, ибо откровенно полагала, что Вячеслав обязан ей не только суммой денег, которую она добыла для него, заложив в ломбард свои драгоценности, но и вообще хорошим положением в обществе, счастьем быть обласканным и любимым.

Любовь и собственничество сливались в ее сознании, не привыкшем к саморефлексии и самокритике. Она просто не могла допустить мысли, как ни смешно и абсурдно это звучит, что Вячеслав перед тем, как распрощаться с жизнью, не обязал свою дочь рассчитаться с Вероникой. Несомненно, – думала она, останавливаясь у блеснувшего красной ухмылкой светофора, – он не посмел бы вот так кинуть меня, отдать меня на произвол судьбы. Ведь он знал, чего мне стоило достать для него эти деньги!

Вероника от досады прикусила губу, да так больно, что чертыхнулась вслух.

Внезапность и быстрота, с которой ее любовник покинул этот свет, ничего не значили для Вероники, они казались незначительно малыми и бледными перед амбициями ее самодовольного эгоизма. Словно за несколько секунд перед гибелью Вячеслав должен был спросить ее разрешения на смерть. Могу я, мол, тебя, дорогая, покинуть, или мне еще следует некоторое время потусоваться на этой грешной земле, дабы потешить твою жажду повелевать и властвовать?

Она так зримо представила себе лицо Вячеслава, что почувствовала резь в глазах, потом нестерпимое жжение, предвещавшее слезы. Резко стартанув с места, она обогнала старый «опель» и, свернув на перекрестке налево, двинулась к Пороховой.

«Повезло мне с этой Яной», – улыбнулась Вероника самодовольной улыбкой леди, знающей, что ее деньги принесли ей хороший результат.

Въехав в тесный, но уютный дворик, она припарковала авто у детской площадки, возле которой скучал темно-синий «БМВ». Шофер, парень с суперкороткой стрижкой, сопровождал ее долгим взглядом до подъезда. Она вызвала лифт, стремительно вошла в него, как только он прибыл и, полная затаенного торжества, поднялась пятый этаж. Вероника нажала кнопку звонка. Дверь открылась не сразу, вернее, металлический скрежет отпираемой двери слился в тумане Вероникиных воспоминаний с тупым звуком удара, после которого она потеряла равновесие, а вслед за ним – представление о пространстве и времени, рухнув в черное болото немоты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Очухалась? – широкоплечий парень с немного раскосыми глазами с издевательским состраданием смотрел на Веронику.

– Где я? – тупо взглянула она в его восточное лицо.

– Где, где, на пасеке в дупле, – загоготал второй парень, прыщавый дылда в провисших на коленках спортивных трико марки «Адидас».

– А эта ниче, симпотная, – наклонился он к Рите, молча наблюдавшей за глумившимися отморозками.

– Может, ты мне объяснишь! – Вероника вперила недовольно-требовательный взгляд в Риту.

Та лишь с высокомерным пренебрежением пожала плечами. Если б она знала! Уже минут десять, как их привезли в это Богом забытое место. Рита чувствовала, что это отдаленный дом, затерянный на пустыре. Об этом говорила разлитая кругом тишина, в заснеженных глубинах которой притаилось что-то злое. Интерьер комнаты, куда их привели, не отличался особыми изысками, но вполне отвечал тяге городских жителей к сельскому покою и современному комфорту. В помещении было чисто и опрятно, на полу лежал огромный пестрый ковер, на стенах висели незамысловатые пейзажи, упорно варьиовавшие деревенский мотив, массивная золоченая люстра глядела своими желтыми глазами из-под длинных, витиеватых подвесок, на стене тикали старинные громоздкие часы. Мебель вся была из темного дерева, основательная и дорогая. Плотные задернутые шторы не позволяли видеть окрестную территорию, и если бы Рита не знала, что домой она пришла в половине первого, а на дорогу сюда ушло примерно полчаса, она не смогла бы понять, утро сейчас, день или сумерки.

Рита и Вероника со связанными руками сидели на стульях с изогнутыми спинками.

– Ты, Монгол, за ними присмотри, а я пойду шефа встречу, – буркнул верзила в трико.

Он двинулся к выходу. Веронику и Риту привезли с завязанными глазами, и первое, что они увидели после получасовой езды вслепую, была эта большая, заставленная тяжелой мебелью комната, да еще пара тупых придурков, во власти которых они вдруг оказались.

– Вся в папочку! – не удержалась от едкого комментария Вероника. – Вляпались по самое не хочу!

– Заткнись! – прошипела Рита и стала с высокомерно-отрешенным видом рассматривать один из трогательных пейзажей, украшавших стены.

– Эй, ты, – надменно посмотрела на Монгола Вероника, – ты, наверное, не знаешь, кто я...

– Щас шеф приедет, разберемся, – флегматично ответил Монгол, только его глаза, когда он скользнул взглядом по Рите, сверкнули плотоядным огоньком.

– Я тут ни при чем! – решительно, в полный голос заявила Вероника. – Мне ее папаша большие деньги должен.

– Он всем должен, – Монгол криво усмехнулся и сплюнул прямо на ковер.

– Кстати, ты не намерена отдать мне долг? – не скрывая ревнивой неприязни, взглянула Вероника на Риту.

– С чего бы это? – с притворной томностью улыбнулась девушка.

– С того, что твой дорогой папаша задолжал мне пятьдесят тысяч, понятно? – с вызовом отчеканила Вероника.

– Может, у тебя есть расписка?

– Представь себе! – гордо изрекла Вероника. – так что не отвертись!

– Сколько пафоса! – хмыкнула Рита. – Дети не отвечают за своих отцов.

– Щас шеф приедет и всех рассудит – глуповато улыбнулся Монгол.

– А ты, нерусь, молчи, у нас тут свои дела! – самонадеянно сказала Вероника.

– Это кого ты, сука, так называешь?! – надвинулся на Веронику Монгол.

– Да успокойся ты, – усмехнулась Рита, – «мамочка» не в себе. Она привыкла приказывать и хорохориться!

В Ритиных глазах загорелись лукавые искорки.

– А что это ты такая спокойная? – вперила Вероника в Риту подозрительный взгляд.

На самом деле Рита вовсе не была спокойна – у нее душа уходила в пятки. Просто она усвоила несколько уроков отца, учившего ее, что в любой ситуации не нужно терять самообладания. И еще ее сердце грызла страшная обида, обида на человека, который ее так нагло и открыто предал. Пока она еще не знала, как отомстит ему, вначале ей надо выбраться из этой передраги... Ее уязвленное самолюбие, ее обманутое доверие, ее осмеянная жертвенность требовали решительных действий. Но сейчас Риту занимали только эмоции, действовать она была неспособна. И она с каким-то мучительным злорадством теребила свои душевные раны.

Рита находилась под впечатлением открывшейся ей горькой правды и желчное повизгивание Вероники почти не задевало ее. Любовница ее отца казалась ей шавкой, недостойной внимания тех, кто переживает действительно сильные страсти. Она никогда не допускала мысли, что эта меркантильная особа могла по-настоящему любить ее отца. И то, что теперь ей, Рите, маленькой хрупкой девочке, было известно нечто такое, что перевернуло бы всю жизнь Вероники, приятно щекотало ее самолюбие. Она выиграла схватку за своего отца, эта рыжая больше никогда не увидит его, разве только в ночном кошмаре!

– И что же вы с нами намерены делать? – Вероника гордо приподняла подбородок и посмотрела на Монгола из-под прикрытых век.

– Что шеф скажет, то и будем, – ослабилась бандит, – может, на костре изжарим, а может, в землю живьем закопаем.

Он судорожно рассмеялся.

– Что?! – если бы не привязанные к спинке стула руки, Вероника бы вскочила.

– Не дергайся, – с садистским оттенком улыбнулся Монгол, – больно ты гнешь из себя. Смотри, шеф у нас нервный, может обидеться.

– Вечно с твоим папашей были одни неприятности... Умер, думала, теперь поживу спокойно, так нет – еще хлеще! – взвизнула Вероника.

– Не прикидывайся, – растянула рот в насмешливой улыбке Рита, – тебе его смерть – как серпом по одному месту.

– Да, – крикнула Вероника, – но лишь потому, что он меня облапошил, взял деньги, а возвращать, как видно, и не думал...

– Откуда же он знал, что умрет? – резонно спросила Рита.

– Но у меня есть расписка, ты не думай, – ухмыльнулась Вероника, – там сказано, что если что с ним случится, долги возвращать мне будешь ты, милочка, понятно?

– Это какое-то недоразумение... – притворно улыбнулась Рита.

– Если мы отсюда выберемся... – еще пуще оживилась Вероника, – ну я-то за себя уверена, меня с почетным эскортом домой отправят и еще извинения принесут! Так вот, я с тебя с живой не слезу. В суд подам! – истошно заорала она.

– Давай-давай, – засмеялась Рита, – а я твоему мужу позвоню и доложу обстановку.

– Дрянь! – Вероника вытаращила глаза и замерла на секунду с открытым ртом.

– Ну, вы, – вмешался спокойный, как слон, Монгол, – полегче на поворотах.

– Моя фамилия Шкавронская! – горделиво изрекла Вероника. – Это тебе что-нибудь говорит?

Монгол вяло пожал плечами.

– Но это же недоразумение, – распалилась Вероника, – я-то в квартире случайно оказалась, я ни при чем! Не знаю, может, у Славки с вами какие дела и были, только я-то здесь при чем?

– Скоро шеф пожалует, вот ему и расскажешь, – сонно посмотрел на взбешенную Веронику охранник. – Я тут ничего не решаю. А пока сиди не рыпайся, а то кляп воткну.

Тут в комнату вошел прыщавый верзила в спортивном костюме.

– Отвязывай, – скомандовал он Монголу, кивнув на женщин, – Захарыч приехал.

Монгол повиновался с тупым спокойствием хорошо дрессированного животного. Не развязывая женщинам рук, он отвязал их от стульев и, подталкивая, повел к выходу. Прыщавый исчез раньше, побежал, видать, докладывать начальнику.

Проведя женщин длинным коридором, Монгол постучал в высокую дубовую дверь. Дождавшись нужной команды, он открыл ее и втокнул пленниц в просторный сумрачный кабинет.

Рита увидела перед собой большой, сделанный под старину стол, за которым сидел лысоватый мужчина лет сорока-сорока трех. У него были хитрые глаза и узкий, растянутый в неприятной улыбке рот. Холодный взгляд изучал ее медленно, основательно, терпеливо.

– Та-ак, – с самодовольным выражением на лице протянул он, – Горбушкина-младшая не хочет платить долги Горбушкина-старшего. Интересная ситуация. А это кто?

Захарыч переглянулся с двумя парнями-телохранителями. Они стояли по обе стороны от шефа, пристроив на животах короткоствольные «УЗИ». Не получив от своих молчаливых слуг никакого знака или намека, Захарыч бросил обеспокоенный взгляд на прыщавого охранника.

– Длинный, ты кого приволок? – тон его голоса резко изменился, теперь в нем отчетливо звучали угроза и недовольство.

– А-а! – победоносно взвизгнула вдохновенная произошедшей с Захарычем переменой Вероника, – узнал! Здравствуй, Саша. А я слышу: Захарыч да Захарыч...

– Кто ее сюда припер? – вперил Саша острый взгляд в прыщавого «спортсмена». – Ты?!

– Да она сама... – проблеял последний.

– Что сама? – медленно встал со стула Саша. – Какого хрена!

– Я думаю, Жора будет очень недоволен... – решила воспользоваться замешательством мужчин Вероника. – Саша, ты должен немедленно отпустить меня! Пусть отвезут меня домой!

– Да чихать я хотел на твоего Жору. Он давно уже у меня как кость в глотке. Это не я, а он должен был девицу ловить, только он почему-то не шевелится. Можешь сказать ему, что с него еще спросится на всю катушку. Я долгов не прощаю!

Сердце в груди Вероники больно сжалось. Когда она увидела в кабинете Александра Захарова, представленного ей Жорой на вечеринке два года назад в качестве делового партнера, она возблагодарила небеса за такое счастье. «К своим попала», – наивно подумала Вероника. Но вместо того, чтобы повежливее обратиться к «своим», сослаться на присущие даже опытным ребятам промахи и оплошности, горячо порадоваться, что недоразумение вот-вот будет устранено, она понеслась с места в карьер. Ее взбалмошный нрав дал осечку. А Саша, шестым чувством чувствовала Вероника, не любил, просто терпеть не мог такого обращения.

– Она к девке пришла, ну мы ее и оприходовали, – смущенно оправдывался Длинный.

– Я тебя сам оприходуя, – гаркнул на него Захарыч, – нужно было сбросить этот хлам по дороге, не тащить за собой!

– Я не хлам! – горячо возмутилась Вероника, инстинкт самосохранения которой ступил под натиском ее опасного высокомерия и гордости. – Я...

– А ты помалкивай, – грозно посмотрел на нее Саша.

– Что она делала у тебя?

Он перевел тяжелый взгляд на Риту.

– Хотела поболтать со мной, – из последних сил изображая беззаботность, сказала Рита и повела плечами, – говорит, что мой отец должен ей какие-то деньги.

– Наша вамп одалживает деньги? – серые глаза Захарыча лукаво сузились, на губах заиграла мерзкая усмешечка. – Под проценты даешь или как?

Рита мигом оценила ситуацию и решила подпортить молчавшей «мамочке» репутацию.

– Так они ж любовниками были...

– Интересно, – задумчиво произнес Саша, с нагловатой бесцеремонностью оглядывая фигуру Вероники.

– Дрянь! – воскликнула Вероника, пронзая Риту ненавидящим взглядом.

– Повторяешься, мамуля, – ухмыльнулась Рита.

– А ты-то что радуешься? – сурово поглядел на Риту Захарыч. – Я ведь все до копейки с тебя получу за твоего папашку, будь он неладен. Разговор у меня к тебе есть. А если ты, мать твою, станешь упрямитесь, я прикажу своим гренадерам с тебя шкуру с живой содрать...

Вероника не могла скрыть довольной улыбки. Рита метнула в нее враждебный взгляд.

– А эту овцу, – небрежно кивнул он на Веронику, – домой отправьте. Высадите где-нибудь в центре. Только ты, – слащаво улыбнулся он ей, – не трепись, что здесь была, а то Жора обо всех твоих проделках узнает, ясно?

Вероника боязливо мотнула головой. Несмотря на всю свою поруганную гордость, она была счастлива. Пристыжена, но довольна. Еще бы! Ей удастся покинуть это «гнусное логово», как она окрестила про себя этот дом, без видимого ущерба. Конечно, Захарыч может просветить муженька на предмет ее связи со Славой, но, во-первых, Саше сейчас явно не до сплетен, а во-вторых, Слава-то уже представился, так что если даже Жора что и узнает, то воспримет это несравненно легче и менее болезненно, нежели сделал бы это, пребывая Слава на этом свете.

Вероника всячески успокаивала себя. Ее поугасший было инстинкт самосохранения заработал с новой силой. В ней проснулась желающая выжить любой ценой кошка. Страх прокатывался по телу горячими волнами, но главное, понимала она, достигнуто – в то время, как эту сучку Ритку будут прессовать люди Захарыча, она поедет домой, вернется в свою уютную квартиру, а ночью прижмется к нелюбимому, но такому теплому, такому родному телу мужа и станет выслушивать его любовный вздор, поглаживая его по волосатой груди...

Ее, конечно, напрягала ситуация с невыплаченным долгом ее любовника, черт бы его побрал! Ведь Жора рано или поздно спросит ее о бриллиантах, что мирно покоятся в лавке антиквара. Но, как не крути, – приободрилась Вероника, – самое важное – это то, что она осталась жива!

Животная радость сдавливала ей горло и самым причудливым образом провоцировала на плач.

– Монгол, зови Шило! – распорядился Захарыч.

Вероника, поглощенная своими мыслями, вздрогнула и с презрительной жалостью посмотрела на Риту. Та стояла, точно каменная статуя. На миг тень беспокойства пробежала по ее бледному лицу. Но не прошло и минуты, как Рита снова обрела хладнокровие.

В ее груди полыхало пламя ненависти и мести. Внешне замкнутая и отстраненная, она еле сдерживала дрожь нетерпения. Сила характера не позволяла разочарованию ослабить ее волю, наоборот, она претворила горечь и обиду в желание возвыситься и доказать, на что она способна. Угрозы Захарыча были для нее в этот час немим кино. Само присутствие этого жестокого и властного человека придавало ее трагедии дополнительный блеск, оно стало сценой, на которой разыгрывалась драма ее души, превратилось в эшафот, где она жаждала явить обидчику свою непреклонную силу.

Монгол побежал исполнять приказание Захарыча. Вскоре он вернулся в компании высокого, хорошо сложенного шатена в джинсах и песочного цвета пиджаке. «Странная кличка», – подумала Вероника, разглядывающая вновь вошедшего. Ничего от этого острого инструмента

в парне не было, разве что слегка заостренный прямой нос. Парень ей положительно нравился – этот Шило здорово отличался и от телохранителей Захарыча, и от него самого, и от прыщавого «спортсмена» с его напарником.

Шилу можно было дать лет двадцать пять. У него было открытое лицо, но при всей этой открытости с него не сходило лукавое выражение, составлявшее основную часть его обаяния. Карие глаза смотрели изучающе и насмешливо, красивый лоб и хорошей лепки подбородок делали лицо породистым и незаурядным.

«И при такой внешности – бандит!» – удивилась Вероника.

– Отвезешь эту, – кивнул Захарыч на Веронику, – и – сюда. Высадишь в центре, Монгол привезет тебя обратно.

Шило скользнул взглядом по бледному Ритиному лицу и молча направился к двери.

– Развяжи ей руки, – приказал Захарыч Монголу, – а глаза завяжи. Не нужно, чтобы она знала, где была.

Монгол немного вразвалочку приблизился к Веронике и освободил ее из плена. Она поднялась со стула и поплелась к выходу. В голове шумело, стены кабинета вдруг прынули в лицо и медленно завращались. Вероника почувствовала дурноту и, кое-как добравшись до двери, вцепилась в косяк. Шило со знанием дела подхватил ее и поволок в коридор. Монгол двинулся следом.

– Перестарались с этой рыжей, – неодобрительно покачал головой Захарыч, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ну а с тобой что делать будем? – с затаенной угрозой обратился он к Рите.

Та вздрогнула, точно очнулась от транса.

– Мне твой папашка много бабок должен. Да ты, наверное, сама знаешь, а иначе бы от меня не бегала. Значит, так, – стал прикидывать он в уме, – в наследство ты только через пять месяцев вступишь. Это я о квартире твоей, – усмехнулся он, – но одной ее будет мало, она потянет всего тысяч на пятнадцать-двадцать. А Славик должен мне в десять раз больше. Ты ведь знаешь, где твой папа дорогой бабки от проданных авто схоронил. Ведь знаешь?

Захарыч придурковато заулыбался, увидев на Ритином лице невинное выражение.

– Зна-аешь, – выразительно вздохнул он, – он ведь не мог не сказать тебе. Да-да, – закачал он головой, неотрывно глядя на Риту, – Славик наш золотой одним махом по дешевке продал больше ста тачек, бабки затарил и хотел уже было на юга мотануть, а не повезло – сгорел заживо, бедолага!

Склонив голову набок, Захарыч мерзко ухмылялся.

– Это вы его убили, сволочи! – закричала вдруг Рита, нутро которой сотрясалось от рыдания и хохота.

– Не-е, – протянул Захарыч, – мы тут ни при чем. Я до последнего не знал, что твой папаша на такие подлости способен!

– Я тебе не верю!

– А я не Господь Бог и даже не священник, – цинично усмехнулся Захарыч, – мне твоя вера не нужна. Мне нужно, чтобы ты сказала, где твой папаша деньги припрятал. Вот так, девочка.

Рита опустила глаза, она не хотела видеть гадкую ухмылку этого самонадеянного бандита в деловом костюме.

– Не пойму, о чем ты? – приподняла свои острые плечи Рита.

– Не поймешь? – с наигранным состраданием, словно Рита была душевнобольной, переспросил Захарыч. – А вот как пропущу тебя через строй, так сразу и поймешь. Видишь, какие у меня ребята, они только и ждут, чтобы заняться тобой! Хочешь узнать, что они делают с такими несговорчивыми маленькими сучками?

Он затрясся в судорожном смехе. Рита заставила себя взглянуть ему в лицо. Омерзительная гримаса уродовала его, скошенный рот напоминал темный провал, брови плясали, как у клоуна, щеки дрожали подобно двум сгусткам желе. Рита вперила в Захарыча немигающий взгляд, победив отвращение и страх. Словно он был скользким гадом или изуродованным бурей деревом. В этом клокочущем смехе было что-то inferнальное, застывшее, несмотря на игру лицевых мышц.

– Я жду, – перестав смеяться, сурово сдвинул он свои короткие брови. – Где деньги?

Это выражение ему совершенно не шло, в нем чувствовалась какая-то неестественность, какая-то мучительная натужность.

– Я ничего не знаю о деньгах. Мой отец мне ничего не говорил о них, – чувствуя с ужасом, что краснеет, отчеканила Рита. – Возможно, папа что-то взял у вас и не вернул, но мне об этом ничего не известно, клянусь. Папа никогда не делился со мной своими планами, а тем более не говорил о деньгах. Он вообще не любил давать мне деньги, говорил, что я всего должна достичь в жизни сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.